

«За что вы все меня преследуете?» (О книге Н. Малыгиной «Андрей Платонов и литературная Москва»)

DOI 10.20339/PhS.2-20.142

Нина Малыгина уже давно занимается творчеством А. Платонова и по праву считается одним из лучших его знатоков. Ее новое исследование охватывает и синтезирует широчайший литературно-исторический фон, взятый во всей его многосложной гамме. Платонов чрезвычайно плотно и убедительно встроены в контекст. Одним из несомненных преимуществ новой книги Н. Малыгиной является то, что духовная и житейская биография героя весьма тщательно прослеживается с учетом немислимых катаклизмов эпохи и оставляет при этом ощущение цельности как самого героя, так и посвященной ему работы. Соответствующие материалы были известны и ранее, но теперь они удачно интегрированы в монографию; много ценных находок принадлежат самой исследовательнице. Особый интерес представляют, конечно, бесчисленные отчеты осведомителей, цитируемые в книге и показывающие со злобещей наглядностью ту невыносимую атмосферу, в которой жил или, вернее, выживал Платонов. Не знаю, входило ли это в задачу автора, но ей удалось показать, что он прилагал гораздо меньше усилий, чем его коллеги по литературному цеху для того, чтобы как-то поладить с властями. Удивительным образом он все же сумел остаться самим собой, несмотря на испытанные им страшные потери, в первую очередь гибель сына. Платонов умер на свободе, если, конечно, позволительно называть свободой тогдашнюю жизнь, и всего двух лет не хватило ему, чтобы дожидаться смерти Сталина.

Наиболее обстоятельными местами в книге, в первых ее главах, видятся те, где описан сам процесс включения Платонова в советскую словесность и последующего вытеснения его из нее на рубеже 1920–1930-х гг., его взаимоотношения с Пильняком (крайне далекие, как подчеркивает автор, от какого-либо симбиоза), с «Кругом», «Перевалом», Воронским и РАПП, а также, разумеется, с Горьким. Особенно впечатляет среди прочего горестное письмо Платонова к нему в сентябре 1933 г. — обращение, оставшееся без ответа:

«Я прошу Вас, если Вы не считаете нужным поставить на мне крест, оказать мне содействие. Мне оно нужно, *чтобы я мог физически жить дальше и работать*» (курсив наш. — М. В.) (С. 512)¹.

Малыгина не только показывает, насколько недоброжелательной по существу была по отношению к Платонову позиция «главного пролетарского писателя», но и анализирует коренные причины горьковского неприятия «Чевенгура». Поддерживая выводы Н.Н. Примочкиной и Л. Аннинского и рассказывая о злосчастной судьбе платоновского романа, отвергнутого Горьким, Малыгина напоминает о враждебных взглядах последнего на русское

Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва: А.К. Воронский, А.М. Горький, Б.А. Пильняк, Б.Л. Пастернак, Артем Веселый, С.Ф. Буданцев, В.С. Гроссман. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 590 с.

Malygina N.M. Andrei Platonov i literaturnaia Moskva: A.K. Voronskii, A.M. Gorky, B.A. Pilniak, B.L. Pasternak, Artem Veselyi, S.F. Budantsev, V.S. Grossman. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018. 590 s.

ISBN 978-5-4469-1422-7

¹ Здесь и далее указаны страницы рецензируемого издания.

крестьянство и стихию народного бунта, сказавшихся уже на его отрицательном отношении к «Голому году» Пильняка, тогда как Платонов, пишет она, «не разделял официальную точку зрения на мужиков как на отсталую, враждебную революции стихию». Отсюда и сближение позиции Горького с инвективами Л. Авербаха, увидевшего в рассказе «Усомнившийся Макар» мелкобуржуазную вылазку и «анархо-индивидуалистическую фронду». Тем интереснее, что платоновский подход к участи советского крестьянства, роковым для автора образом отозвавшийся в его «бедняцкой хронике» «Впрок», свидетельствует о глубокой мировоззренческой эволюции писателя.

Если раньше он в качестве приверженца А. Богданова и пролеткульта относился к крестьянству крайне негативно, то ужасы сталинской политики заставили его резко изменить эти воззрения, сблизиться с идеями кооперативного социализма: «В 1931 г. пересеклись пути Платонова с А.В. Чаяновым. Оказалось, что взгляды автора “Впрок” близки идеям этого экономиста, обвиненного по сфальсифицированному делу Крестьянской партии» (С. 112). Понятно также, что резко контрастировала с позицией Горького и РАПП и та апокалиптическая оценка коллективизации, которая столь явственно преобладает в «Котловане».

Заслуживают внимания замечания Малыгиной о прочном укоренении классификации, некогда установленной Троцким, выделявшим «писателей-попутчиков», но парадоксально сохранившей актуальность в советской критике и после поражения опального вождя (С. 145). Точно так же сам термин «юрродство», который обличители Платонова с конца 1920-х гг., т. е. ко времени изгнания Троцкого из СССР, поводят к приклеивать к его героям, восходит, как показывает Малыгина, именно к Троцкому, точнее, к его тирадам по адресу «попутчиков» (С. 148). Интересна, с другой стороны, глава «Троцкий в творческом сознании Платонова», посвященная осторожному отношению Платонова ко вчерашнему «вождю Октября», безусловно, критическому, но все же весьма далекому от официальных выпадов против «троцкизма».

Пристальное внимание в монографии уделяется и личностным сторонам тогдашнего литературного быта. Так, исследовательница прибавляет немало ценных нюансов к уже установленным представлениям об амбивалентной, но в целом мрачной фигуре Горького, каким он оказывается в советское время. По большей части Малыгина избегает лобовых решений и не дает четкой оценки характеров: она как бы оставляет ее на усмотрение внимательного читателя. Объемно показаны и многие другие писатели и литературные деятели, включая Пильняка, Воронского, Полонского, Павленко, Пастернака. Свидетельства самих современников и участников литературных событий позволяют заключить, что быт этих людей был тоскливым, причем еще задолго до Большого террора: «Скучно, — в начале беспросветного 1932 года жаловался Полонскому Малышкин. — Ни к кому не ходим. Живем каждый сам по себе. Редко видим друг друга» (С. 214).

Настоящие открытия встречаются читателя в главах, посвященных Артему Веселому и несправедливо забытому прозаику С.Ф. Буданцеву. А главное, очень многое узнаем о личности самого Платонова и его незбылемых нравственных устоях. Какие бы сложные отношения ни связывали или, напротив, ни разводили его с Пильняком, он, как подчеркивает Малыгина, вел себя мужественно в период травли последнего: «Платонову предлагали отречься от Пильняка, но он считал это предательством» (С. 145). Для картины тогдашних нравов любопытно вместе с тем, что Пастернак, высоко ценивший писателя, «до конца жизни хранил втайне свои отношения с Платоновым», так что речь в данном случае идет, по сути, о «неизвестном сюжете» (С. 211) — симптоматическое обстоятельство, дающее дополнительное представление о конспирологических дарованиях создателя «Доктора Живаго». Важно и то, что «по свидетельству сына, Пастернак был потрясен повестью „Котлован“», и Малыгина убедительно показывает отголоски платоновской повести в реакциях Пастернака на варварскую индустриализацию и на коллективизацию с ее бесконечными «эшелонами раскулаченных крестьян» (С. 233–236).

Особого внимания заслуживает, как представляется, глава «Инженеры Андрей Платонов и Василий Гроссман: история дружбы, творческий диалог», заметно расширяющая наши

познания об обоих писателях. С инженерными пристрастиями Платонова Малыгина связывает, в частности, желание Платонова участвовать в коллективной книге о Беломорском канале, вызвавшей такое справедливое негодование у противников советского режима. В этой затее его волновала прежде всего тема людских страданий, непосредственно сопряженная с технологическими проектами и не лишенная, увы, самозащитского привкуса. Такой же экзистенциальной трагедией навеян и его рассказ «Мусорный ветер», в котором последующие немецкие комментаторы нашли приметы советского голодомора, а вовсе не нацистского концлагеря, где тогда, в 1934-м, так отнюдь не голодали.

Рецензенту, как израильянину, чрезвычайно информативной показалась также глава об участии Платонова в работе над «Черной книгой» совместно с Эренбургом, Гроссманом и расстрелянными впоследствии деятелями ЕАК. Подлинным открытием Малыгиной видится ее обоснованное заключение о том, что именно этот труд привел к его травле в период антисемитской «борьбы с космополитизмом».

Как всякое капитальное исследование, монография не лишена и некоторых недостатков. К ним можно отнести среди прочего размышления автора о зависимости Платонова от Богданова и его философии (С. 561). Однако научная этика просто требует указать здесь на новаторские изыскания в этой области, опубликованные еще в середине 1970-х гг. в журнале «Slavica Hierosolymitana». Впрочем, такая рассеянность — это общая черта российского платоноведения, а не персональный недочет Малыгиной. В целом ее книга — настолько внушительное пособие по духовной истории советского общества, что знакомство с ней поистине необходимо каждому, кто серьезно углубляется в изучение этой темы.

Всяческих похвал заслуживают включенные в книгу чудесные иллюстрации Л.Г. Саксонова к «Котловану».

Вайскопф Михаил,
доктор философии,
Еврейский университет в Иерусалиме (эмеритус)

Weisskopf Michael,
Doctor of Philosophy,
The Hebrew University of Jerusalem (emeritus).

e-mail: michweisskopf@gmail.com

